

Роман Разживин

Клуб потерянных надежд

Валерик

Взгляд Валерика не мог сфокусироваться на чём-то одном: кресла, коридор, длинная ковровая дорожка, любимый магнитофон в свободной руке — сейчас не играет. Сказочные узоры на стенах, стеклянные шкафы с книгами — всё интересно, на всё хочется взглянуть.

— Придурок! Дурачье, ох, детина... — отдавалось эхом по коридору санатория. — Давай иди, ну!

Грузный Валерик то и дело спотыкался, бабушка тянула его за руку, а навстречу бежали две радостные девочки.

— Валерик, Валерик! — кричала девочка со слабо заплетённой косичкой. — Кушать идёшь?

— Аг, аг! — улыбался Валерик, поднимая вверх магнитофон.

— Да опусти ты! Ох, дурачье, — сквозь зубы говорила бабушка. — Девчонки, чего вам? Иди, кому говорю.

Девочки вприпрыжку вились вокруг бабушки и Валерика, смеялись и что-то напевали.

— Кушать, кушать и гулять! Кушать, кушать и гулять! — пропела девочка с рюкзачком-медвежонком.

— Куш, куш, гуля. Куш, куш, гуля! — вторил ей басом Валерик.

— Да будет вам гулять, после еды. Дверь придержите!

Девочки радостно распахнули дверь столовой, в коридор ворвались запах овсянки и звон столовых приборов.

— Ох, детина... — бабушка потянула Валерика к умывальнику, а девочки побежали к выходу во двор.

Всё улыбалось Валерику: и пёстрые скатерти на столах, и золотой луч, застрявший в стекле солонки, и мушка, севшая на зеркало над умывальником. Струя воды занимала Валерика меньше всего, он уже искал глазами магнитофон.

— Давай садись, пока людей мало, — сказала бабушка, обтирая Валерику ладони.

— Музка! Музка! — забеспокоился Валерик.

— Да будет тебе музыка, ох, детина, — нагнулась бабушка за оставленным под раковиной магнитофоном.

Валерик прижал к груди магнитофон и сел на ближайший стул. Бабушка, тяжело вздохнув, пошла за кашей и бутербродами. Приятный сквозняк трепал чёрные отросшие кудри Валерика, ковёр на полу так мягко давил на подошвы, что хотелось покрепче вжать в него ноги, на всё пространство столовой звонко разлетелась музыка.

— Ох, дурачье! Простите, ради Бога, — бабушка, уронив на пол бутерброд, спешила к внуку. — Детина! Что говорила тебе?! — выхватила она из рук Валерика магнитофон.

— Музка, ба! Музка, ба! — покачивался Валерик на стуле в такт песне.

— Ух! — бабушка трясла магнитофон в руках и искала нужную кнопку. — Ух, я тебе!

Притихший магнитофон оказался через стол от Валерика, а бабушка пошла к упавшему бутерброду, чтобы убрать за собой, но его уже не было. Валерик пристально глядел на мусорный бак в конце раздачи.

— Ешь давай, — вернулась бабушка с кашей и новым бутербродом, — ложку бери, ох, детина.

Валерик ел вяло, пристально глядя на другой стол.

— Музка, ба, — угрюмо произнёс он.

— Ишь! Ешь, — злобно взглянула бабушка.

Валерик поковырялся в каше, съел бутерброд и стал смотреть на старую потрескавшуюся оконную раму. Бабушка встала.

— Держи свою музыку! — сунула она магнитофон Валерику в руки.

— Музка, музка! — вскочил он с места и прижал магнитофон к груди.

— Иди давай.

Пока бабушка убирала посуду, Валерик подошёл к выходу из столовой. Он, слегка сгорбившись, встал напротив двери и без интереса на неё глядел. Дважды поднимал руку, чтобы взяться за ручку, но каждый раз, покачав головой, опускал.

— Дурачье! — дёрнула бабушка за дверную ручку и подтолкнула Валерика.

Сытый Валерик сидел на любимой скамейке-качалке в уютном дворе санатория. Солнце

заботливо грело, сосновый запах сливался с жизнью, подвижная травушка щекотала непослушный взгляд Валерика и отвлекала от щebetания девочек.

— Валерик! А сколько тебе лет? — задорно спрашивала девчушка с распустившейся косичкой.

— Два... два! Ага... двадцать... ага... пять! — отвечал весело Валерик, держа на коленях магнитофон.

— Настя, ты вчера спрашивала! — сказала девочка с рюкзаком-медвежонком. — Валерик, а кем ты хочешь быть?

— Музыка! Музыка! — поднял Валерик магнитофон, поглядывая на задремавшую на солнце бабушку, сидящую поодаль. — Одна, одна!

— Певцом? — спросила Настя.

— Ты одна! Одна! — повторил он, радостно кивая.

— Ух ты! Валерик, а спой нам! — просили девочки наперебой и, переглядываясь, улыбались.

Валерик, глядя на всё, улыбался в ответ. Он нажал на кнопку магнитофона, и полилась песня. Валерик с открытым ртом стал качаться на скамейке и мычать мелодию:

— У-у-у! У-у-у! — а девочки принялись перепрыгивать с ноги на ногу, резво смеясь и напевая что-то своё.

— Света, на речку! — воскликнула Настя сквозь музыку. — Валерик, ты с нами?

Девочки побежали в сторону тропинки возле главного корпуса санатория, Валерик неуклюже вскочил со скамейки, успев нажать на кнопку магнитофона, и поспешил за ними. За зданием санатория ручей изящным изгибом касался травянистого берега и ускользал в сторону далёкого леса.

— Рыбка, рыбка! — взбежав на горбатый деревянный мостик, кричала Настя.

— Какая рыбка, ну? Их тут нет, — отвечала Света.

Валерик размашисто топал по высокой траве, минуя тропинку, и угодил в жидкую грязь. Испугавшись, он топтался на месте, пачкая кроссовки.

— Валерик! Валерик! — кричали девочки, указывая на тропинку, но Валерик не смотрел на них.

— Что там? Змея? Змея? — прозвучал в стороне встревоженный женский голос.

— Где?

— Да вон, парень прыгает!

Две женщины на берегу поспешно складывали покрывала. Пошатнувшись, Валерик уронил магнитофон и сам рухнул в траву. Неловко вскочив, он допрыгал широкими шагами до тропинки и с ужасом взглянул на грязные кроссовки.

— Ба! Ба! — беспокойно повторял он и стучал носком по пятке.

Девочки подбежали к нему, когда он остался в одной кроссовке. Он поспешно сдёрнул вторую и, схватив их в руки, быстрым взмахом запустил

на середину ручья. Замешательство отразилось на лицах Насти и Светы, умиротворение и улыбка появились на широком лице Валерика. Но он опустил взгляд, и спокойствие растаяло. Носки были покрыты грязью. Валерик быстро стащил и их.

— Хватай! — крикнула Настя и повисла на мощной руке Валерика.

Света схватила другую руку. Через секунду девочки сидели на земле, а носки, долетев до воды, уже мирно покачивались на слабых волнах от падения кроссовок. Босой Валерик улыбался во весь рот, глядя на сидящих на земле девочек.

— Дурак! Ох, детина, да чтоб тебя! — раздалось со стороны главного корпуса.

Бабушка спешила к бережку, за спиной Валерика уже сверкала девчачьи пятки. Разведя руки в стороны, словно для объятий, Валерик стоял и улыбался бабушке.

— Придурок! Сколько можно!

— Ба! Ба! — радостно повторял Валерик.

— А ну, — запыхавшись подходила бабушка, — быстро! На секунду не оставить. Это что?..

Бабушка увидела покачивающиеся на середине ручья кроссовки и перевела взгляд на босые ноги Валерика.

— Дубина! Да как ты мог?.. — чуть не заплавав, произнесла бабушка.

— Грязные, грязные, — махал руками Валерик. — Ай! Ай!

Бабушка хлестнула Валерика полотенцем.

— Да что ж ты со мной творишь?!

— Ай! Ба! Ба...

— Да вот ты где уже мне!

Она схватила Валерика за руку и потащила за собой по тропинке.

— Больно, ба! Больно! — переступал босыми ногами по острым камешкам Валерик.

— А мне, думаешь... — бабушка резко остановилась, — мне, думаешь, не больно? — и с новой силой потащила Валерика за собой.

— Музыка, музыка!

— Да плевать я на неё хотела!

— Музыка! — срывающимся голосом ревел Валерик.

— Вот так теперь и будешь ходить! Так и будешь, детина.

Валерик сидел в мягком кресле возле стеклянных шкафов и вжимал босые ноги в ворс ковра. Взгляд его сфокусировался на одной точке, никуда не двигаясь. Коридор наполнился вечерним спокойствием, полумрак был разбавлен слабым светом из открытой двери номера.

— Ба... ба... музыка, — шептал, покачиваясь, Валерик, — ба... ба... музыка.

— Так, а пошто они вам его? — слышался мужской голос из открытой двери.

— Оставили-то? Да двадцать лет назад ещё, — ответила бабушка, махнув рукой в сторону коридора, где в полутьме могла видеть волосатые ноги внука. — Поняли, какой он, и смотались, а мне чего делать?

До Валерика долетал еле слышный звон стаканов. Иногда он поглядывал украдкой на подол бабушкиной юбки, но тут же отводил глаза.

— Всю кровь мне выпил, а куда деваться? Ох, детина, да.

— Ба... ба... музыка, — покачивался Валерик и резко посмотрел налево.

— Представляешь, целая змея в траве! Ленка рассказала, — прошли две подружки по коридору, одна недоверчиво взглянула в открытую дверь, откуда шёл свет.

— Ой, аккуратнее надо, — ответила другая, удивлённо взглянув на Валерика, сидящего в кресле.

Бабушка встала и закрыла дверь номера. Валерик тут же поднялся с кресла и направился туда, откуда только что вышли подружки. Остановившись возле двери, он немного потоптался на месте и дважды потянулся к ручке. Буркнув что-то под нос, он резко развернулся и вновь оказался у кресла. Валерик беспокойно глядел во тьму позднего вечера за окном, едва различая макушки тонких сосен, слившихся с небом. В открытую форточку потянуло прохладой, Валерик поднял глаза.

— Музыка, музыка, — прошептал он и, неуклюже переступая ногами, встал на мягкое кресло.

Шатаясь, Валерик крепко схватился за открытую створку форточки и нашёл равновесие.

— Ба, музыка, — прошептал он, услышав хохот бабушки за закрытой дверью номера.

Валерик встал одной ногой на подоконник и стоял так минуту, затем подтянул вторую ногу и попытался просунуть голову в форточку.

— Музыка! — крикнул наружу Валерик и, тяжело дыша, вслушался в тишину. — Музыка! — крикнул он снова и надавил на стекло.

Дерево рамы треснуло.

— Ба! Ба! — взревел Валерик, полетев вниз вместе с оконной рамой.

Звон осколков всполошил, наверное, всех постельцев. Валерик вскочил с земли и, загудев, словно бык, рванул вперёд во тьму. Он чувствовал, как руки и лицо наполняются чем-то гущим, далеко за спиной слышал чьи-то крики. Он плутал среди сосен и, теряя силы, всё тяжелее дышал. Упав возле скамейки, он немного отдохнул, встал и пошёл вновь.

— Ба, ба... — беспокойно повторял Валерик, едва волоча ноги.

Идти стало трудно, тело тяжелело. Добравшись до мягкой высокой травы, Валерик упал и перевернулся на спину.

Тихое журчание ручейка ласкало слух Валерика, приятная теплота мягко струилась по лицу и рукам, прохладная трава давала отдых, лишь жжение во всём теле надоело ему, как назойливый комар. Валерик шевельнул рукой и нагнулся на магнитофон.

— Музыка, — едва произнёс он и нащупал любимую кнопку.

Заиграла песня. Валерик расплылся в улыбке и закрыл глаза.

Он видел всё. Он был спокоен. Ему приснились мама и папа. Внешнее жжение стало внутренним огнём, к которому потянулась его душа, словно мотылёк. На полпути к этому огню из сна его вырвал родной голос.

— Валера, господи! — бабушка стояла перед Валериком на коленях. — Что же ты...

— Ба! — встрепенулся Валерик. — Ба! Ты одна, ба! Ты у меня одна!

У бабушки задрожал голос.

— Валерик, господи, Валерик мой.

— Ты у меня одна, ба! Ты у меня одна, — Валерик трясся от ночного холода.

— И ты у меня один, Валерик мой, ты ж весь... — бабушка разрыдалась и прижала внука к сердцу, — порезался... родной мой. Прости меня, прости.

Бабушка взяла магнитофон в руку и выключила его. Тяжело поднявшись на скользкой траве, она помогла встать Валерiku. Он припал к ней на плечо и заплакал. Бабушка приглаживала его отросшие кудри и разглядывала в слабом лунном свете порезы на лице.

«Ох, дитя моё, Валерик, ох, дитя...» — слышалось в ту ночь с тропинки возле санатория. «Ты у меня одна... ты у меня одна, ба», — слышалось в ответ.

Клуб потерянных надежд

Мы с Аней шли по сырому безлюдному тротуару вдоль бетонного забора, как вдруг из приоткрытых железных ворот послышался шум толпы и какие-то крики. Мы насторожились и решили аккуратно пройти мимо. Из любопытства я бросил взгляд в проём железных ворот и увидел, что между старых гаражей по кругу стояли штук десять деревянных стульев. На каждом сидел человек. В центре круга рыжеволосая девушка отплясывала какой-то нелепый дикий танец, а люди на стульях хлопали, гудели, гремели всем, чем могли. Глаза рыжей незнакомки устремились в мою сторону, от неожиданности я встал как вкопанный. Она бросилась к воротам и уставилась прямо на меня.

— Хотите к нам? — весело, пытаясь отдышаться, спросила она.

— К вам? — недоумевал я.

— Да. У нас тут клуб потерянных надежд.

«У вас тут что?» — промелькнуло у меня в голове, но незнакомка уже тащила меня за рукав.

Махнув Ане рукой, чтобы та не стояла «на пороге», она втащила меня в самый центр круга, где

ещё минуту назад сама отплясывала свой странный и неуклюжий танец. Аня сделала несколько неуверенных шагов и зашла вслед за нами. Незнакомка спросила:

— Ты мечтал стать кем-нибудь?

Человек десять пристально смотрели на меня. Я секунды три медлил с ответом и рассматривал этих пока ещё странных для меня людей. Осознав, что за мой ответ мне, скорее всего, ничего не грозит, я ответил:

— Рок-звездой.

Это было неожиданно даже для меня, но я вспомнил, как в молодости играл в группах и как мечтали мы выступать на огромных сценах. Но кто ж об этом тогда не мечтал? Мне не стыдно было в этом признаться.

Толпа загудела, я вздрогнул, Аня попятилась к воротам. Со всех сторон мне кричали:

— Круто! Давай! Жги, рок-звезда! Йиху-у-у!

Но я стоял и не понимал, что нужно делать. Сквозь шум толпы рыжая знакомка крикнула мне:

— Исполни что-нибудь!

Исполнить что-нибудь? Они в своём уме? Я развёл руки в стороны и крикнул в ответ:

— Но как?!

Но она уже неистовствовала вместе с толпой, прыгала и кричала мне:

— Давай же! Исполни! Они твои фанаты! Не заставляй их долго ждать!

Нужно было что-то делать. Я изобразил, что держу в руках гитару, толпа заревела ещё сильнее. Они подскочили со своих мест и встали за стульями, которые отгораживали меня-звезду от них-фанатов, как на настоящей сцене. Это был шанс удрать. Аня держалась всё ближе к воротам, а я держал её в поле зрения. Под неистовый гул толпы мы переглянулись, я увидел в её взгляде тревогу. Я вновь посмотрел на своих «фанатов»: среди них были и силачи, и дохляки, но злить такое количество людей — безумие. Я решил действовать, поставив в цель наше спасение. Я стал изображать, что играю на гитаре, представляя в голове гитарный рифф из «Энтер Сандман» «Металлики». С ритмом и гитарами у меня всегда был полный порядок, несмотря на то что к своим тридцати трём годам я забросил музыку, даже как хобби. Я стал озвучивать голосом ту самую мелодию, которая взрывала стадионы. «Фанатъ» присели на корточки и на самом взрывном моменте вскочили как подорванные и начали прыгать, бросая вверх «козы». Это было дикое, но притягивающее зрелище. Я всё больше входил в раж, становилось жарко. Я поставил одну ногу на стул, как это делают настоящие гитаристы, и качался в такт музыке, которая даже не звучала. Толпа качалась вместе со мной и подпевала что есть мочи. У нас была общая музыка, которую

мы чувствовали. «Фанаты» продолжали прыгать, трясти головами, подпевать, выкрикивать слова песни. А я выжимал из воображаемой гитары всё, что мог. Сногшибательный «соляк» повалил их на землю, они упали, ещё слабо подвывая мелодию. Песня кончилась, я аккуратно поставил «гитару», прислонив её к ближайшему стулу, и стоял в полнейшем недоумении, пытаюсь отдышаться.

— Что это было? — спросил я рыжую знакомку, которая медленно-наигранно аплодировала, приближаясь ко мне.

— Ты только что исполнил мечту, — ответила она мне.

Оба запыхавшиеся, мы присели на стулья, Аня стояла уже ближе ко мне. Я видел, что она улыбается, но жутко стесняется подойти. Незнакомка указала рукой на «фанатов», похлопывающих друг друга по плечу в знак уважения за то, что ещё так молоды душой, и сказала:

— Это Джек, Кристофер, Николь, Джеффри... а я Скарлетт.

Она перечислила всех, каждому я кивал, но запомнил только нескольких.

— Но это же не настоящие ваши имена? — спросил я.

— Конечно! — ответила, смеясь, Скарлетт. — Мы здесь те, кем когда-то хотели стать, но не стали. Я, например, танцовщица.

— Да, я видел, классно танцуешь, — соврал я.

— Да нет же! Ты не понял. Я знаю, что танцовщица я хреновая, но в этом и смысл, понимаешь?

Я продолжал разглядывать их. Это были вполне приличные люди в нормальной одежде, без алкоголя или чего-то такого. Все были разного возраста: две девушки лет тридцати, мужчины от тридцати до сорока лет. Паре человек я бы точно дал больше пятидесяти. Простые мужики, которые пьют пиво по вечерам или впадают в ступор в телевизоре, утопая в диване. Они были обычными людьми, которые воплощают свои несбывшиеся мечты в реальность. Я невольно улыбнулся: разве можно такое представить? Однако мне всё ещё не верилось, я спросил Скарлетт:

— Но для чего вам всё это?..

— А сам ты ещё не понял?

— В каком смысле?

— Эй, чувак! — крикнула она мне в лицо. — Ты только что забабалхал нам «Энтер Сандман». Что ты чувствовал при этом?

Я задумался на мгновение... а ведь и правда.

— Истинный кайф. Будто я отыграл целый концерт, — ответил я.

— Вот и-и-именно! — с улыбкой протянула Скарлетт, ткнув меня пальцем в грудь.

— Как в бойцовском клубе, что ли?

— Только бить никого не надо, — добавил Николь или Джеффри.

— Точнее, как в клубе потерянных надежд! — ответила, смеясь, Скарлетт и продолжила: — А самое главное знаешь что?

— Что? — спросил я.

— Мы не обманываем себя, а просто пару часов верим друг другу. Просто верим, и всё.

Толпа вновь загудела. Аня уже не боялась и села рядом. Внутри этого круга из стульев был создан свой мир, от которого веяло теплом, как от очага. «Мы просто пару часов верим друг другу...» — крутилось у меня в голове. Мы пробыли у них ещё немного и посмотрели на безобразную актёрскую игру Николя, на паршивое пение Джеффри, но... мы улыбались, и все улыбались. Мы хлопали каждому и верили. Верили так же искренно, как верил сам человек, находившийся в круге. Боже мой, да ведь и я был в круге... И не важно, что они исполняли. Было важно лишь верить.

Через полчаса мы с Аней пошли дальше. Вынырнув из-за серого бетонного забора, мы ощутили

какую-то душевную сырость, словно отсоединились от чего-то. Волшебство исчезло, но где-то оно ещё жило. Аня взяла меня за руку так крепко, как никогда не брала. Я взглянул ей в глаза и ощутил что-то космическое, на грани единения со всем человечеством. Я видел любовь, я видел волшебство. Не успел я сказать хоть что-нибудь, как она заговорила первой:

— Знаешь, я тебя таким давно не видела.

Она улыбалась, даже слезинки поблёскивали на её ресницах.

— Каким? — спросил я.

У меня захватывало дух.

— Таким... раскрепощённым, счастливым.

Мы улыбались друг другу, держась за руки. Накрапывал дождь, а может, мокрый снег — нам было не важно. Спустя минуту она продолжила:

— Только обещай, что не будешь менять своё имя на американское.

— Не буду, Анька, — рассмеялся я, — не буду!

— Мне нравится, когда ты... настоящий.